

МИР ИСТОРИИ

✦ Исторические хроники (1) ✦ Дискуссионный клуб (5) ✦ Защита Отечества (6) ✦ Имя России (7)
✦ Исторические курьезы (8) ✦ Словарик историзмов (9) ✦ Готовимся к олимпиадам и ЕГЭ (10)

Издание исторического факультета ППУ им. В. Г. Белинского

№ 6 / октябрь 2012 г.

Исторические хроники

Тематический выпуск, посвященный 200-летию Отечественной войны 1812 года

Отечественная война 1812 г.: взгляд из провинции

Высочайший указ из Правительствующего Сената от 19 июня с приложением рескрипта Александра I о начале войны, полученного 13 июня в Вильно на имя председателя Государственного Совета и Комитета министров генерал-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова, был доставлен в Пензу **1 июня 1812 г.** В рескрипте говорилось: *«Французские войска вошли в пределы нашей Империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством престола и пользою моего народа. Все старания мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые уместные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем ещё времени миролюбивых обещаний. И потому не ос-*

тается мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные мне провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их с свойственною им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудило нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моём».

Тогда же **1 июня 1812 г.** в Пензе было получено циркулярное предписание Главнокомандующего в С.-Петербурге С. К. Вязмитинова от 14 июня 1812 г. об исполнении требований военного начальства, в котором указывалось, чтобы чиновники городской и земской полиции в нынешних обстоятельствах *«со всевозможнейшею поспешностью и рачением»* исполняли все требования воинских начальников проходящих полков и команд, следующих с транспортами, обозами и лошадьми.

18 июля в Пензенском губернском правлении был заслушан Указ Правительствующего Сената от 10 июля 1812 г., при котором в Пензу прислано 100 экземпляров Высочайшего манифеста 6 июля о сборе ополчения.

31 июля состоялось собрание дворянства Пензенской губернии, которое определило во исполнение Высочайшего манифеста из числа 232056 владельческих крестьян собрать в военное ополчение 6800 воинов, полагая по 3 воина со 100 крестьян, а на содержание ополчения, жалованье и прочие потребности собрать 232056 рублей. Каждый помещик, выставлявший ратников, *«должен приуготовить на каждого из них обыкновенную простую крестьянскую одежду, как-то: кафтан, шаровары из простого крестьянского сукна, полушубок с рукавами, две рубашки и двое портов из алленого или пасконного холста, кушак и подвертки, сапоги прочные и просто-*

рные, на переда и подметки 2 рубля, мешок холицёвой для поклажи, рукавицы с варьгами и платок, провианту на 3 месяца, т.е. на одного муки 6 пудов, круп 6 гарнцев или по справочным ценам на то количество деньгами».

Начальником Пензенского ополчения дворянство предложило избрать генерал-майора и кавалера Н. Ф. Кишенского.

15 сентября – в Пензенской губернии начался сбор ратников в ополчение, в которое предполагалось принять со 100 душ по 4 человека (с 232062 душ собрать 9282 ратника). В 1-й пехотный полк Пензенского ополчения набирались воины из Саранского (1100 человек), Городищенского (900 человек) и Нижнеломовского (400 человек) уездов, во 2-й пехотный полк – из Мокшанского (1200 человек), Пензенского (900 человек) и Чембарского (300 человек) уездов, в 3-й пехотный полк – из Инсарского (970 человек), Чембарского (730 человек), Нижнеломовского (300 человек) и Керенского (400 человек) уездов, в 4-й пехотный полк – из Краснослободского (500 человек), Наровчатского (300) человек и Керенского (400 человек) уездов. Для конного полка Пензенского ополчения были собраны самые способные ратники из всех уездов губернии.

9 декабря – в Инсаре, «часу с десятого по полунощи днем», начались волнения ратников 3-го пехотного полка Пензенского ополчения. На основании рескрипта Александра I графу П. А. Толстому от 8 ноября 1812 г. выступление в поход ополчений III округа было намечено на конец ноября – начало декабря. 3-й пехотный полк Пензенского ополчения должен был выступить из Инсара 10 декабря. Однако ратники отказались идти в поход под тем предлогом, что «не могут на сие решиться без государева указа и без присяги». В своих воспоминаниях прапорщик П. И. Юматов пишет, что среди ратников даже распространились нелепые слухи, будто бы, «ополчение собрано не по воле Государя, а по воле самих дворян и с тем, чтобы приведа их перед французскую армию, продать безоружных Наполеону, а он, как пленных отошлет их воевать за него в другие немецкие земли, точно так же как продали Москву».

Подполковник Кушнерев распорядился арестовать 12 человек из числа ратников. Очевидно это шаг и явился поводом к активизации выступления и привел к тому, что в Инсаре ситуация вышла из-под контроля гражданских и военных властей. Ратники всего полка бросились по дворам сотенных начальников, вооружились пиками, которые там хранились, и освободили своих товарищей из-под караула. Затем начали избивать офицеров и гражданских чиновников, грабить и разорять дома дворян и городских обывателей. Всего разорению подверглись 16

дворянских и 14 «разночинских» (7 мещанских и 2 купеческих дома, 2 дома жен отставных солдат, по одному дому однодворца, цехового мастера и отпущенного на волю крепостного) дворов, а также дом девицы Никоновой на чугунолитейном заводе. По официальным данным общий ущерб составил 137917 рублей 88 коп. В то же время соляной и винный магазины не подверглись разорению.

10 декабря из Пензы по направлению к Инсару двинулся отряд под командованием генерал-майора Н. Ф. Кишенского, состоявший из 100 ратников конного полка Пензенского ополчения, 50 оренбургских казаков и солдат Пензенского гарнизонного батальона при двух орудиях, общей численностью не менее 200 человек.

В это же время в Саранске начались волнения 1-го пехотного полка Пензенского ополчения. Когда перед выступлением в поход воины были собраны на центральной площади города для совершения молебна, они отказались повиноваться. Саранский полицмейстер Евсюков доносил пензенскому губернатору, что «того ополчения большая часть воинов против полковника, штаб- и обер-офицеров делая ослушание, будучи вооружены пиками, бунтуясь, приступая к полковнику, и многих офицеров покушались бить, крича, что они без государева указа и без присяги нейдут. Окружа полковника, архимандрита, штаб- и обер-офицеров, к пению молебствия не допустили. Из каковой толпы полковник и архимандрит едва могли вырваться и тем себя спасти, равномерно и прочие офицеры, из коих некоторых и были».

12 декабря в Инсар вступил со своим отрядом Н. Ф. Кишенский. Офицеры полка при участии местных жителей начали выявлять зачинщиков волнения и брать их под арест. Как оказалось, во время возмущения разбежалось около 400 ратников. Гражданские власти предприняли действенные меры для розыска бежавших воинов и поиска разграбленного имущества и денег.

16 декабря в Чембаре вспыхнули волнения ратников 2-го пехотного полка Пензенского ополчения.

Волнения ратников были подавлены. Как свидетельствовал прапорщик И. Т. Шишкин, «три дня лилась кровь виновных ратников, и многие из них лишились жизни под ударами палачей. Из уцелевших оставшихся после наказания ратников, часть отправлена в каторжную работу, часть – на поселение, другие – на вечную службу в дельные сибирские гарнизоны». В Инсаре из числа приговоренных к кнуту и шпицрутенам было засечено до смерти 38 человек, в Чембаре – 4.

(Материал приводится по научному изданию: Белоусов С. В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза, 2012)

Манифест от 25 декабря 1812 г. «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского»

Приводится в переложении на современный русский язык в сокращении по Полному собранию Законов Российской Империи (СПб., 1830, т. 32. 25295. Стр. 486-487).

«Объявляем всенародно. Бог и весь свет тому свидетель, с какими желаниями и силами неприятель вступил в любезное Наше Отечество. <...> Твердо надеющийся на свои собственные и собранные им против Нас почти со всех Европейских держав страшные силы, и подвигаемый алчностью завоевания и жаждою крови, спешил он ворваться в самую грудь Великой Нашей Империи, дабы излить на неё все ужасы и бедствия не случайно порожденной, но издавна уготованной им, всеопустошительной войны.

Предузнавая по известному из опытов беспредельному властолюбию и наглости предприятий его, приготавливаемую от него Нам горькую чашу зол, и видя уже его с неукротимой яростью вступавшего в Наши пределы, принуждены Мы были с болезненным и сокрушенным сердцем, призвав на помощь Бога, обнажить меч свой, и обещать Царству Нашему, что Мы не упустим оной во влагище, доколе хотя один из неприятелей оставаться будет вооружен в земле нашей. Мы сие обещание положили твердо в сердце Своем, надеясь на крепкую доблесть Богом вверенного Нам народа, в чём и не обманулись.

Какой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! <...> Казалось с пролитием крови её умножался в ней дух мужества, с пожарами градов её восплаялась любовь к отечеству, с разрушением и поруганием храмов Божиих утверждалась в ней вера и возникало непримиримое мщение. Войско, Вельможи, Дворянство, Духовенство, купечество, народ, словом, все Государственные чины и состояния, не щадя имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, только же пылающую любовь к отечеству, только любовью к Богу <...>.

...Но едва проходит шесть месяцев от вступления его в Наши пределы и где он? <...> Где войска его, подобные туче нагнанных ветрами черных облаков? Рассыпались, как дождь. Великая часть их, напоив кровью землю, лежит, покрывая пространство Московских, Калужских, Смоленских, Белорусских и Литовских полей. Другая великая часть в разных и частых битвах взята со многими Военачальниками и Полковниками в плен, и таким образом, что после многократных и сильных поражений, напоследок целые полки их, прибегая к великодушию победителей, оружие свое пред ними преклоняли. Ос-

тальная, столь же великая часть, в стремительном бегстве своем гонимая победоносными Нашими войсками, и встречаемая морозами и голодом, устала путь от самой Москвы до пределов России, трупами, пушками, обозами, снарядами, так что оставшаяся от всей их многочисленной силы сама малейшая, ничтожная часть изнурённых и безоружных воинов, едва ли полумертвая может придти в страну свою, дабы к вечному ужасу и трепету единомышленников своих возвестить им, коль страшная казнь постигает дерзающих с бранными намерениями вступать в недра могущественной России.

Ныне с сердечною радостью и горечью к Богу благодарность объявляем Мы любезным Нашим верноподданым, что событие превзошло даже и самую надежду Нашу, и что объявленное Нами, при открытии войны сей, выше меры исполнилось: уже нет ни единого врага на лице земли Нашей; или лучше сказать, все они здесь

остались, но как? Мёртвые, раненые и пленные. Сам гордый повелитель и предводитель их едва с главнейшими чиновниками своими отселе ускакать мог, растеряв все свое воинство и все привезенные с собою пушки, которые более тысячи, не считая зарытых и потопленных им, отбиты у него, и находятся в руках наших.

Зрелище гибели войск его невероятно! Едва можно собственным глазам своим поверить. Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы ни у Главнокомандующего над войсками Нашими знаменитого полководца, принесшего бессмертные Отечеству заслуги; ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием; ни вообще у сего храброго Нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих.

Итак, да познаем в великом деле сём промысел Божий. Повергнёмся пред Святым его Престолом, и видя ясно руку его, покаравшую гордость и злочество, вместо тщеславия и кичения о победах наших, научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законами и воли исполнителями, не похожими на сих отпадших от веры осквернителей храмов Божиих, врагов наших, которых тела в несметном количестве валяются пищею псам и воронам!

Велик Господь наш Бог в милостях и во гневе своём! Пойдём благостью дел и чистотою чувств и помышлений наших, единственным ведущим к нему путём, в храм святости Его, и там, увенчанные от руки Его славою, возблагодарим за излитые на нас щедроты, и припадём к Нему с теплыми молитвами, да продлит милость Свою над нами, и прекратит брани и битвы, ниспошлёт к нам, побед победу, желанный мир и тишину».

«...к великому делу спасения отечества...»:

Пенза 1812 г. в записках Ф. Ф. Вигеля

«...С конца мая в Пензе царствовала мертвая тишина: все помещики разъехались по деревням, и сам губернатор Голицын, пользуясь данным ему правом, с семейством и братьями жил у матери в Зубриловке. Я тоже только два раза в неделю покидал Симбухино, чтобы навесить мою мать, которой отсоветовали жить в деревне и которая, оставив прежде занимаемый ею собственный дом, где как говорила, лишилась она своего счастья, жила на горе, близ рощи, в самом уединённом углу Пензы, в небольшом домике, состоящем из трёх или четырёх келий. Я не считал деревенскую жизнь и моим одиночеством; занимался хозяйством, читал книги из множества в последнее время моим отцом купленных, гулял по саду, им насаждённому, бродил по рощам, наше селение окружающим, иногда для перемены ездил верхом.

Ничто не говорило о войне, лето стояло прекраснейшее, и все было так успокоительно. Перед ярмаркой, к 24 июня, все опять начали собираться...

<...> Почта из столиц обыкновенно приходила по понедельникам, чем свет; в этот день [1 июля], который также был понедельник, она опоздала несколькими часами. В Московских Ведомостях, которые привезла она, находился рескрипт государя на имя графа Салтыкова, председателя Государственного Совета, который можно было почитать объявлением войны.

В прибавлениях припечатано было известие о попятном движении корпусов первой армии, дабы более сосредоточить ее. Рескрипт был от 13 июля из Вильны; пока он дошел до Петербурга, оттуда до Москвы, там напечатан, и по почте у нас получен, прошло 18 дней...

<...> Ничего так не раздирает душу, как зрелище обыкновенных рекрутских наборов: отовсюду слышны стон и вой. Мирные поселяне, от самого рождения привычно прикованные к земле, не имеют других желаний, кроме хорошего урожая; повышение, слава суть для них слова непонятные; вдруг отрывают их от всего родного, привычного; они трудолюбивы и не знают боязни, но неведомое ужасает их; все ближние их заживо хоронят; что удивительного, если горький плач и ропот всегда бывают при исполнении сего насильственного действия? Тут, при наборе ратников, видели мы совсем тому противное; радость была написана на лице тех, на коих пал жребий; семейства их, жены, матери осыпали их ласками, целовали, миловали, дарили чем могли. «Голубчик, ведь ты идешь за нас да за Божье дело» — повторяли они...

<...> Город Пенза, между тем, с каждым днем становился многолюднее... После смольнян из всех уездов

семейства помещиков начали прибывать и как будто спасаться в губернский город. В числе их можно назвать и самое княгиню Голицыну, мать губернатора, которая к сыну на всю зиму переселилась из Зубриловки. С половины сентября стали наезжать уже московские эмигранты, а в следующем месяце в великом множестве начали, — как говорил народ, — пригонять пленных. Наконец, поворотиться у нас было трудно...

<...> Можно себе представить, что породили во всей России рассказы людей, по всем направлениям из Москвы бежавших. Но еще до того, при получении первого известия о взятии её, показалось между русскими, особенно между дворянами, нечто страшное, давно небывалое: в них загоралась неутолимая, казалось, жажда мести...

<...> Всю осень, по крайней мере, у нас в Пензе, в самых мелочах старались выказывать патриотизм. Дамы отказывались от французского языка. Многие из них оделись в сарафаны, надели кокошники и подвязки; поглядевшись в зеркало, нашли, что наряд сей к ним очень пристал, и не скоро с ним расстались. Что касается до нас, мужчин, то, во-первых, члены комитета, в коем я находился, яко принадлежащие некоторым образом к ополчению, получили право, подобно ему, одеться в серые кафтаны и привесить себе саблю; одних эполет им не было дано...

<...> Ужасами переправы через знаменитую с тех пор Березину не могла быть удовлетворена в нас жажда мести: нам подавай самого Наполеона, а он ускользнул. И теперь еще не знаю, обвинять ли следует Чичагова или оправдывать его? Нельзя изобразить общего на него негодования: все состояния подозревали его в измене, снисходительнейшие кляли его искусство, и Крылов написал басню о пирожнике, который берётся шить сапоги, т.е. о моряке, начальствующем над сухопутными войском...

<...> Все были уверены, что неудачи сопутствуют Александру и являются везде, где он лично присутствует. Оттого все не одобряли ни прибытия его к армии, ни намерения идти с нею за границу. «Да и зачем? — спрашивали у нас в Пензе. — Уже коли дома не успели поймать вора, где станешь ловить его вчуже? Да, кажется, мы и хорошо его проучили: другой раз не полезет к нам». Хорошо же они знали его! Дурацкие эти суждения были мне как острый нож. Думая, что все уже кончено, не хотелось пензякам отпустить совсем уже готовое к выступлению, но пока еще не тронувшееся ополчение...

<...> Все были уверены, что неудачи сопутствуют Александру и являются везде, где он лично присутствует. Оттого все не одобряли ни прибытия его к армии, ни намерения идти с нею за границу. «Да и зачем? — спрашивали у нас в Пензе. — Уже коли дома не успели поймать вора, где станешь ловить его вчуже? Да, кажется, мы и хорошо его проучили: другой раз не полезет к нам». Хорошо же они знали его! Дурацкие эти суждения были мне как острый нож. Думая, что все уже кончено, не хотелось пензякам отпустить совсем уже готовое к выступлению, но пока еще не тронувшееся ополчение...

(Ответы к стр. 10: А)5-Ермолов, Б)3-Милорадович, В)6-Кутайсов, Г)2-Багратион, Д)1-Давыдов, Е)4-Барклай-де-Толли.

«В память отечественной войны 1812 года»; «Не нам — не нам — а имени Твоему»; всем строевым чинам в армии и ополчении).

Опасный правый уклон

«Широко бытует мнение, что «не Наполеон, а Кутузов диктовал условия» Бородинской битвы, причем Кутузову ставится в заслугу даже тот факт, что он почти весь день Бородина провёл на одном месте, за линией своих резервов, тогда как Наполеон именно потому, что «стремился лично обозреть поле сражения и в критические моменты сам направлялся к месту возникновения опасности», якобы «терял инициативу», «подчинялся направляющей сражение воле Кутузова».

Факты говорят о другом: Наполеон диктовал ход сражения, атакуя все, что хотел и как хотел, а Кутузов только отбивался от его атак, перебрасывая свои войска из тех мест, где пока не было прямой опасности, в те места, которые подвергались атакам. При этом не всегда дивизии и целые корпуса успевали из центра, а тем более с правого крыла (за 5-6 км) подкрепить левое крыло русской позиции. «Корпуса Багговута, Остермана и Корфа, — подметил еще один из первых русских историков 1812 г. генерал Н. А. Окунев, — приходили по одному на решительные точки и вступали в дело один после другого, и потому действия их были *поправочные* и принесли пользу только *отрицательную*», т.е. оттянули, но не предопределили падение ни Багратионовых флешей, ни батареи Раевского.

В результате Бородинская битва возымела поразительную особенность, на что первым обратил внимание тот же Н. А. Окунев и о чём все советские и постсоветские исследователи, кроме А. Н. Кочеткова, молчат. Располагая меньшими силами, Наполеон *на всех* пунктах атаки (Шевардинский редут, Бородино, флеша Багратиона, батарея Раевского, Семеновская, Утица) создавал превосходство, доходящее до подавляющего», и в пехоте, и в коннице, и в артиллерии. Мы восхищаемся героизмом защитников флешей и батареи Раевского, отражавших атаки в 2–2,5 раза превосходящих сил врага, но не задумываемся над тем, что русское командование могло и *обязано* было не допустить на решающих участках битвы такого и вообще какого бы ни было превосходства неприятеля в силах, тем более что россияне при Бородине численно превосходили французов.

Всё дело в том, что Кутузов проявил чрезмерное (хотя и понятное) опасение за свой правый фланг, сосредоточив там главные силы, которым уже по ходу битвы пришлось то и дело «перебегать» справа налево, а кроме того, русские уступали французам в быстроте манёвра. Поскольку Кутузов как главнокомандующий не проявлял должной оперативности, Барклай-де-Толли время от времени, к счастью для россиян, брал руководство битвой на себя и успевал предотвратить прорыв левого фланга русской позиции (вовремя подкрепив его корпусом К. Ф. Багговута), то её центра, стянув сюда корпуса Ф. К. Корфа и К. А. Крейца. Поэтому Барклай не без оснований судил о себе: «Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита — это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни». Однако и Барклай-де-Толли не мог исправить всех последствий «правого уклона» в размещении русских войск, хотя он пытался сделать это ещё перед битвой...».

(Материал приводится по книге: Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2003.

Кутузов или Наполеон?

«Вообще действия, имеющие целью прикрыть столицу или другой пункт фланговыми манёврами, требуют выделения особого корпуса и влекут за собою все невзгоды, сопряжённые с раздроблением сил, при действиях против сильнейшего неприятеля. Когда после боя при Смоленске, в 1812 году, французская армия направилась прямо к Москве, генерал Кутузов прикрывал этот город последовательными манёврами, пока, прибыв в укреп-

лённый лагерь под Можайском, не остановился и не принял сражения; проиграв его, он продолжил свой марш и прошёл через Москву, попавшую в руки победителя. Если бы вместо того он отступил к Киеву, он увлёк бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что застави-

–ло бы его эвакуировать эту столицу. Подобные вопросы весьма смутили бы Тюренна, Виллара, Евгения Савойского. Рассуждать догматически о том, что не проверено на опыте, – есть удел невежества. Это всё равно, что решать с помощью уравнения второй степени задачу из высшей математики, которая заставила бы поблудеть Лагранжа и Лапласа».

(Из книги: Наполеон Бонапарт. Искусство войны: императорские максимы. М., 2009. С. 387).

В этих строках профессионал взял в Наполеоне верх над идеологом: он признал за Кутузовым способность решать задачи из высшей математики, полагая, что у русского полководца не было возможности защитить Москву, кроме как в полевом сражении. Последнее, на наш взгляд, было сомнительно при отсутствии простого равенства в силах: превосходство за счет ополченцев – не в счёт. Сейчас Кутузова упрекают в том, что он не добился победы при численном преобладании, а если бы он ввёл в бой ополченцев, то его обвинили бы в том, что он бросил в сражение необстрелянных и необученных людей.

Наполеон считал битву при Бородине выигранной по факту занятия Москвы французами, но у нас нет достаточно оснований утверждать, что Кутузов, решившись на эту битву, собирался отгаивать Москву до последнего солдата, не имея сведений ни о резервах, ни о поддержке фланговых армий. Но в любом случае Наполеон видел в действиях Кутузова с самого начала логическую систему, в которой упрямо отказывают полководцу отечественные историки-профессионалы и любители под флагом борьбы со сталинизмом!

<...> В то время как отечественные авторы в большинстве своём признали поражение Кутузова при Боро-

дине, британские исследователи Р. Холмс и Д. Эванс, взглянув на вещи шире и вписав Бородинскую битву в контекст военных событий не только в России, но и в Европе, пришли к выводу, что победа принадлежала русским.

<...> каждый, кто интересуется историей Отечественной войны и Бородинского сражения, должен признать, что у него нет под рукой самого главного источника для создания «сбалансированного» научного знания о тех далёких событиях – рассказа о них самого Кутузова с учётом мнений своих оппонентов. По воспоминаниям современника, «природа и навык одарили его прекрасным языком, который восходил до высокого красноречия. В нём были счастливые обороты в мыслях и словах и, при том, он умел сохранять всегда чудесную прелесть лаконизма и игривость от шуточного до величественного».

Принимая во внимание сухой, лапидарный слог «Оправданий» Барклая-де-Толли и «Писем» Л. Л. Беннигсена, главных оппонентов Кутузова и создателей крепкой «антикутузовской версии», вряд ли можно сомневаться, чей рассказ о событиях на Бородинском поле получил бы в глазах потомков статус источника № 1. Автор не сомневается в том, что если бы Михаилу Илларионовичу было отпущено ещё несколько лет жизни, он бы легко справился со всеми своими оппонентами и нашёл бы убедительное объяснение всем тем обстоятельствам, над которыми почти два столетия ломают головы специалисты...

(Из работы: Ивченко Л. Не братья по славе? Историография 1812 года: нынешнее состояние // Родина. 2012. № 6. С. 12-14)

Защита Отечества

Награда для героев

В среде военных историков Бородинская битва признаётся одним из самых кровопролитных из однокдневных сражений. Действительно, потери были огромны. Только в командном составе: в русской армии было убито и смертельно ранено 4, ранено и контужено 23 генерала; в Великой армии – убито или умерло от ран 12 генералов, ранены один маршал и 38 генералов.

Первое донесение главнокомандующего о Бородинском сражении было доставлено в Петербург 30 августа. И на следующий день Александр I пожаловал Кутузову чин генерал-фельдмаршала и сто тысяч рублей единовременно, супруга полководца, княгиня Екатерина Ильинична, получила высокое придворное звание статс-дамы. Всем нижним чинам, принявшим участие в сражении, император предписал выдать по пять рублей на человека и повелел Кутузову представить к награде отличившихся воинов.

Рапорт о награждении 50 отличившихся генералов М. И. Кутузов подписал уже 29 сентября в своей Главной квартире в деревне Леташёвка.

Если судить по рапорту Кутузова, то можно сделать вывод, что спустя месяц после Бородинской битвы фельдмаршал расценивал это сражение как несомненную победу русской армии. Три генерала были представлены им к военному ордену св. Георгия Победоносца 2-го класса.

Орден представлял собой большой белый крест, носимый на шее на полосатой черно-оранжевой ленте, и золотую ромбовидную Георгиевскую звезду, носимую на левой стороне груди. Это была очень высокая и весьма редко даваемая награда, жаловавшаяся лишь за выигранные битвы и победоносные сражения. Кутузов считал необходимым представить к ордену св. Георгия Победоносца генералов от инфантерии Д. С. Дохтурова, М. А. Милорадовича и генерал-лейтенанта П. П. Коновницина, чьи заслуги были неоспоримы не только в Бородинской битве, но и в предшествующих арьергардных боях.

Александр I не посчитал Бородинскую битву тем сражением, которому суждено навсегда остаться в военной летописи государства Российского, и не пожелал увековечить память о нём золотым крестом для офицеров или серебряной медалью для нижних чинов. Он отдал Дохтурову, Милорадовичу и Коновницину в ордене св. Георгия 2-го класса, так как, по его мнению, ни один из генералов не проявил полководческой доблести во время кровопролитного сражения.

Лишь один-единственный военачальник получил Георгиевскую звезду за Бородинскую битву. Им стал Барклай-де-Толли. Император оценил не только его личную храбрость в Бородинском сражении, во время которого под Барклаем было убито пять лошадей, но и проявленное военным министром в начальный период войны полководческое искусство. Свой указ о наградах генералам, отличившимся в Бородинском сражении, Александр I подписал только 21 октября. Именно в этот день он получил известие о том, что последний французский солдат покинул стены древней столицы.

Впоследствии в 1812-1814 гг. кавалерами полководческого ордена св. Георгия 2-го класса стали четырнадцать военачальников-участников Бородинского сражения, упоминавшихся в рапорте Кутузова.

Три участника битвы под Бородино стали кавалерами ордена св. Георгия 1-го класса – высшей военной награды Российской империи (за полтора века существования ордена такой чести были удостоены всего-навсего 25 человек): фельдмаршал князь Кутузов «за поражение и изгнание неприятеля из пределов России в 1812 году», генерал от инфантерии граф Барклай-де-Толли «за поражение французов в сражении при Кульме 18 августа 1813 года», генерал от кавалерии граф Л. Л. Беннигсен «за успешные действия против французов в войну 1814 года».

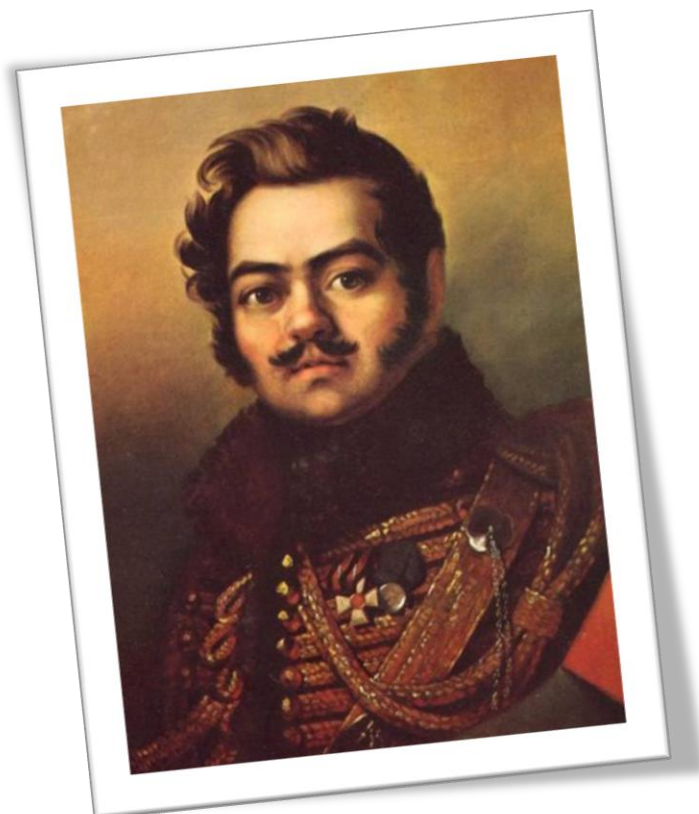
Денис Васильевич Давыдов: помещик из Бородина (1784-1839)

Имя России

Из четверых детей бригадира Василия Денисовича Давыдова, служившего под началом А. В. Суворова, Денис был старшим и по свидетельствам очевидцев самым резвым и непоседливым. Его-то и заметил великий Суворов, прибывший в Полтавский легкоконный полк, которым командовал Василий Давыдов. «Этот удалой будет военным, я не умру, а он уже три сражения выиграет!» – благословил девятилетнего мальчика Александр Васильевич.

«Маленький повеса бросил Псалтырь, замахал саблей, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека. Розга обратила его к миру и к учению» – так было представлено сие событие в жизнеописание Дениса Давыдова, составленное якобы неким «сослуживцем» автора. Современники не сразу распознали в этой биографии остроумную и художественно яркую автобиографию.

Военная карьера Дениса Давыдова началась в 1801 году. Не имея природных данных кавалергарда (Денис был небольшого роста, а в полк обычно брали людей высоких и статных), он все же пробился в гвардию и стал эстандарт-юнкером гвардейского кавалергардского полка. «Привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою», – писал «сослуживец». Однако в кавалергардах Давыдов

пробыл недолго. Вольнолюбивый дух, независимость натуры, лютая ненависть к бездарным подхалимам и невежественным выскочкам на всю жизнь обрекли его на недоверие со стороны властей.

Да ещё проявилось немалое поэтическое дарование Дениса Васильевича, которое придало настроениями и мыслям острую, сатирическую, художественно яркую форму. За басню «Голова и Ноги» в 1803 году Давыдов был выдворен из гвардии и направлен под Киев в захолустье, в армейский гусарский полк, хотя и приобрёл широкую «карманную славу» поэта-гусара (что означало неподцензурную популярность). Так с кавалергардами поступали очень редко и только за большие провинности – трусость в бою, казнокрадство или шулерство. Спустя некоторое время он был прощен, но навсегда остался у правительства под подозрением. К слову сказать, несмотря на его «зачашные песни», Денис Давыдов в жизни совсем не отличался тягой к разгулу и выпивке.

Отечественную войну Денис Давыдов встретил командиром батальона и дошёл с ним до Бородина. Поразительно, но небольшое подмосковное село Бородино около Можайска с 1799 г. принадлежало отцу Дениса Давыдова – Василию Денисовичу. В 1812 г. во время Бородинского сражения село вместе с родительской усадьбой сгорело.

За несколько дней до великого сражения Денис Васильевич предложил Багратиону идею создания партизанских отрядов, и вскоре стал личным врагом Наполеона. Ради его поимки был выделен отряд в две тысячи

всадников при восьми обер-офицерах и одном штаб-офицере Великой армии. Давыдов, у которого было в два раза меньше людей, сумел загнать отряд в ловушку и взять в плен вместе со всеми офицерами.

С переходом границы Давыдов был причислен к корпусу генерала Ф. Ф. Винцингероде и вскоре вызвал явное неудовольствие командования. Под Гродно его кавалерийская лава разметала четырехтысячный отряд Фрейлиха. Город был взят. Следующим городом, оказавшимся на его пути, был Дрезден. Без приказа своего непосредственного начальника Давыдов выбил Даву из города, и его полк вошел в Дрезден с песней: «Растоскуйся, моя сударушка!». Давыдов оказался под домашним арестом, ему было приказано сдать полк и явиться в «главную квартиру» в качестве «офицера за штатом». М. И. Кутузов подсказал Александру удачный выход из создавшегося положения: он предложил направить Давыдова под командование «бранчливого немца Блюхера». В 1814 г. Д. Давыдов, командуя Ахтырским гусарским полком, в составе армии прусского фельдмаршала отличился в сражении при Ла-Ротьере.

Умер Денис Васильевич Давыдов скоропостижно, в возрасте 55 лет, 22 апреля 1839 г. в своём имении Верхняя Маза. Когда гроб его везли на кладбище Новодевичьего монастыря, произошла встреча под погребальный звон с траурным кортежем Багратиона, чей прах переносили на поле Бородина, по просьбе Давыдова. Так после смерти в Москве встретились два героя...

Исторические курьезы

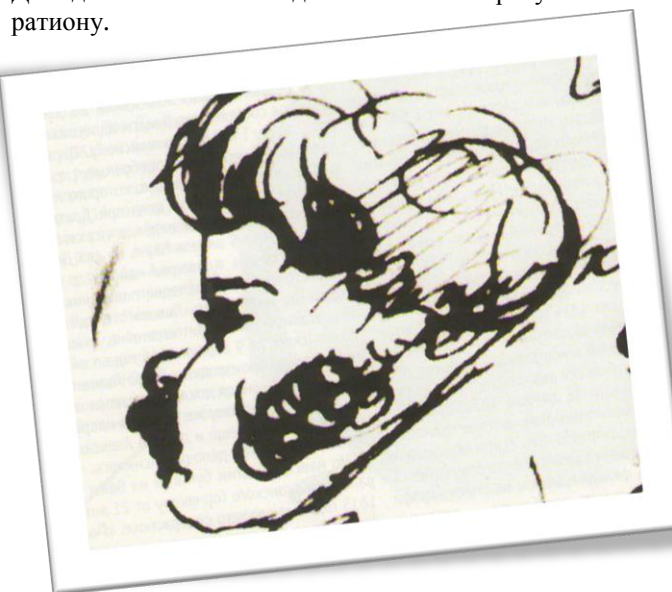
Знаменитый нос

Из-за своего увлечения написанием басен Денис Давыдов чуть было не пропустил первую войну с Наполеоном. Его гусарский полк не принимал участия в сражениях с французами. И самое обидное было то, что его брат Евдоким, которому прочили гражданскую карьеру, оказался в кавалергардах, успел прославиться под Аустерлицем, был тяжело ранен, попал в плен и в лазарете имел беседу с самим Наполеоном, о чём написали все европейские газеты.

Денис во что бы то ни стало решил попасть на фронт. В ноябре 1806 г. Давыдов ночью проник к фельдмаршалу М. Ф. Каменскому, назначенному в это время главным командующим русской армии. Каменский, маленький, сухонький старичок в ночном колпаке, чуть не умер от страха, когда перед ним появился Денис и потребовал отправить его на фронт. Только всё это оказалось зря, так как Каменский всего неделю командовал армией. Фельдмаршала отправили в отставку после того, как он вышел к войску в заячем тулупе, в платке и заявил: «Братцы, спасайтесь кто как может...». По одной из версий, он помутился рассудком после появления перед ним ночью Дениса Давыдова.

Но не бывает худа без добра. Узнав о зловключениях Давыдова, фаворитка государя, Мария Антоновна На-

рышкина замолвила за него словечко, и в начале 1807 г. Давыдов был назначен адъютантом к генералу П. И. Багратиону.

Д. В. Давыдов. Рисунок А. С. Пушкина

В своё время Давыдов в одном из стихов высмеял длинный нос Багратиона и не без опасений явился к своему командиру. Багратион, завидев Дениса, сказал присутствующим офицерам: «Вот тот, кто потешался над моим носом». На что Давыдов, не растерявшись, ответил, что писал о его носе только из зависти, так как у самого его практически нет. Шутка Багратиону понравилась. И он часто, когда ему докладывали, что неприятель «на носу», переспрашивал: «На чьём носу? Если на моём, то можно ещё отобедать, а если на Денисовом, то по коням!».

В 1814 г. Денис Васильевич Давыдов был представлен к чину генерал-майора, а спустя некоторое время вдруг выяснилось, что чин он получил по ошибке, в военном ведомстве его перепутали с другим Давыдовым – Александром Львовичем. Генеральство свое поэту уда-

лось вернуть через полтора года хлопот и переписки, но горечи от этого не убавилось.

Дело было в том, что в 1812 г. в русской армии служили целых шесть полковников Давыдовых, да ещё как на грех все кавалеристы: шеф Московского драгунского полка Николай Владимирович; его брат Евграф Владимирович, лейб-гусар; Денис Васильевич, полковник Ахтырского гусарского полка, его брат кавалергард Евдоким Васильевич, и, наконец, братья Александр и Пётр Львовичи. Напомним, что в служебных бумагах тогда инициалы, как правило, не указывались и каждый из них именовался «полковником Давыдовым».

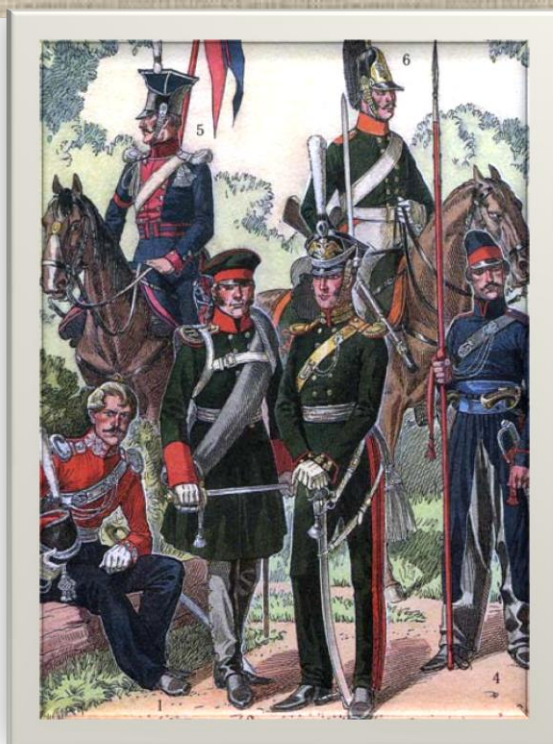
Чин полковнику Давыдову вернули, причем со старшинством со дня памятного сражения при Ла-Ротьере, о чём было объявлено в высочайшем приказе от 24 декабря 1815 года.

Словарик историзмов

Экипировка и оружие русской армии

(Проверьте свои силы: сможете ли правильно выбрать термины из предложенного списка)

«Русские гусары подпоясывались __ (1), представлявшим собой сетку из цветных шнуров с перехватом другого цвета. Кроме __ (1) гусары носили на поясе __ (2) из красной юфти, к которой на двух пасовых ремнях подвешивалась __ (3) образца 1798 или 1809 г, а на трех других – гусарская __ (4). __ (4) представляла собой кожаный карман, покрытый с наружной стороны сукном определённого цвета, с нашитым на нём вензелем Александра I, полоской и выпушкой другого цвета.

Строевым холодным оружием офицеров и генералов русской пехоты, пешей артиллерии и инженерных войск

являлась пехотная __ (5) образца 1798 г. с однолезвийным прямым клинком длиной 86 см и шириной 3,2 см. Рядовые и унтер-офицеры пеших войск в качестве рубящего и колющего холодного оружия имели __ (6) образца 1807 г. в кожаных ножнах, носимых на лосиной перевязи через правое плечо».

Термины: Ташка, мушкетон, кушак, пика, тесак, лядунка, штуцер, сабля, шпага, португепя.

(Правильный ответ вы найдете на следующей странице).

Готовимся к олимпиадам и ЕГЭ

(Ответы на задания можно посмотреть на 4 странице)

1. Соотнесите биографические справки и портреты генералов Русской армии, участников Отечественной войны 1812 г. Укажите фамилии военачальников.

А)

Б)

В)

Г)

1. Был адъютантом П.И. Багратиона, участвовал в подавлении Польского восстания 1830-1831 гг., считается создателем оригинального жанра поэзии – «гусарская лирика»;

2. Из рода царей; командовал авангардом союзной армии в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова; в марте 1809 г. его корпус совершил так называемый «Ледовый поход»; по инициативе Д.В. Давыдова его прах перенесен на Бородинское поле;

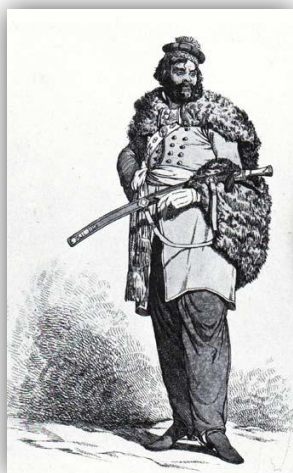
3. 28 августа (9 сентября) 1812 г. принял командование аррьергардом, в сражении у с. Крымское Можайского уезда задержал наступление Великой армии, обеспечив спокойный отход основных сил к Москве; своими действиями обеспечил оперативную обстановку маршманевра в направлении с. Тарутино;

4. Отличился при штурме Очакова во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг.; был тяжело ранен в сражении под Прейсиш-Эйлау; стал генерал-губернатором Финляндии; в 1810-1812 гг. военный министр, член Государственного совета;

5. Отличился при штурме Праги в октябре 1794 г.; участник Персидского похода; в к.1790-х вместе со своим сводным братом создал офицерский политический кружок, в 1798 г. арестован и выслан в Кострому под надзор губернатора; помилован Александром I; с начала Отечественной войны назначен начальником Главного штаба 1-й Западной армии; во время Бородинского сражения Кутузов послал его для укрепления левого фланга после ранения Багратиона. [...] отбил батарею, занятую французами, и руководил ею, пока не был контужен.

6. В Бородинском сражении командовал всей артиллерией; убит во время контратаки на батарею Раевского.

2. На изображении одна из наград Отечественной войны 1812 г. Укажите название награды, надпись на её оборотной стороне, а также тех, кому выдавалась награда.

Д)

Е)

(Ответ к стр. 9: 1 - кушак, 2 – португез, 3 – сабля, 4 – ташка, 5 – шпага, 6 – тесак)

(Ответ к стр. 11: Ж, Г, А, В, Д, Б, Е).

3. Перед Вами отрывки из воспоминаний и научных трудов, посвящённых Отечественной войне 1812 г. Определите, о каких событиях идет речь, и расставьте эти отрывки в хронологическом порядке.

А) «Помещики многих губерний, в том числе и Пензенской, посылали мальчиков в Москву и отдавали их там в ученье к мастеровым; многие из них подросли и возмужали. Они первые, как говорили они, дали тягу; вал, на великом протяжении окружавший Москву, так низок, что везде могли они легко перепрыгнуть или даже перешагнуть через него; далее лесами и болотами также не трудно было им прокрасться. Покрытые рубищем, пробирались они в родину, питаясь мирским подаянием. В Пензу один за другим пришло их несколько, и между прочим в наш дом двое, портной и сапожничий ученик...» (Ф. Ф. Вигель).

Б) «В довершение несчастья один из мостов рухнул под тяжестью орудий и тяжелых зарядных ящиков, переправлявшихся через него. Тогда все бросились ко второму мосту, где и без того давка была такая, что самые сильные люди не могли противиться натиску. Очень многие задохнулись...» (Марбо).

В) «О первом настоящем успехе нашего войска узнал я первый и пресмешным образом. Был некто майор Францов, обрусевший поляк немецкого происхождения, который, всю жизнь прослужив в гарнизонных полках, сделался наконец командиром Пензенской штатной роты, и на этом покойном месте надеялся окончить век. ...сказали мне, что он приехал из Рязанской губернии; я скорее к нему, и он встретил меня радостную вестью о поражении французов, о котором достоверно слышал он в Рязани. «Да где это было и кто командовал?» — спросил я его. «Да кому же? Наш генерал-майор Русанов». Это был окружной генерал внутренней стражи и

его начальник, и он выше его никого в армии не полагал. «Да это просто вздор; охота же мне слушать дурака! — с досадою подумал я ... дня через два узнали наконец, что Францов не совсем соврал...» (Ф. Ф. Вигель).

Г) «После взятия деревни Бородино французами русские егеря выбили их, но затем сами были выбиты. Бородино осталось за французами, и тогда вице-король Италии Евгений перешел через реку Колочу и повел атаку на курганную батарею. Эта центральная батарея Раевского уже с 10 часов утра подвергалась ряду последова-

тельных атак» (Е. В. Тарле).

Д) «Смоленские магазины перестали существовать чуть ли уже не на третий день. Дисциплина падала с ужасающей быстротой, озверение голодных германских, польских, итальянских солдат, а также уже и некоторых частей чисто французских дошло до неслыханной степени. Французские офицеры в своих частных письмах утверждали, что в сумерках и в ночное время человеку, несущему хлеб, было опасно проходить по улицам: нападут и убьют» (Е. В. Тарле).

Е) «Многие немецкие и французские офицеры уже собрались в губернском городе. Вместе с нами они ожидали приказа к отъезду. Мы узнали, что наше пребывание в городе может продлиться несколько недель, так как здесь было место сбора большого транспорта немецких офицеров, которые вместе должны были отправиться в долгий путь на Родину» (Ф. Ю. Зоден).

Ж) «Сейчас после атаки 2-й армии, отброшенной контратакой французов, Федор Глинка увидел у подошвы пригорка раненного генерала. Белье и платье на нем были в крови, мундир расстегнут, с одной ноги снят сапог, голова забрызгана кровью, большая кровавая рана выше колена. «Лицо, осмугленное порохом, бледно, но спокойно». Глинка узнал его. Это и был «второй главнокомандующий», смертельно раненный Багратион» (Е. В. Тарле).

(Правильный ответ на стр. 10)

**Издательство «Аз. РепетиторЪ» предлагает пособия из серии
«Эффективная подготовка к ЕГЭ в Пензенской области»:**

1. Тельянов А. П., Ягов О. В. **История России:** Обучающие тематические тесты для подготовки к единому государственному экзамену / серия «Эффективная подготовка к ЕГЭ в Пензенской области». – Пенза: «Аз. РепетиторЪ»; ГУМНИЦ, 2009. – 94 с.
2. Ягов О. В., Тельянов А. П. **История России с древнейших времен до начала XXI века:** Программа теоретического курса подготовки к единому государственному экзамену / серия «Эффективная подготовка к ЕГЭ в Пензенской области». – Пенза: «Аз. РепетиторЪ»; ГУМНИЦ, 2011. – 50 с.
3. Подлужная А. М. **Обществознание:** Обучающие тематические тесты для подготовки к единому государственному экзамену / серия «Эффективная подготовка к ЕГЭ в Пензенской области». – Пенза: «Аз. РепетиторЪ»; ГУМНИЦ, 2010. – 255 с.
4. Федосеева Л. Ю. **Обществознание:** Программа теоретического курса подготовки к единому государственному экзамену / серия «Эффективная подготовка к ЕГЭ в Пензенской области». – Пенза: «Аз. РепетиторЪ»; ГУМНИЦ, 2011. – 30 с.
5. Канакина Г. И., Родионова И. Г. **Учимся работать с текстом:** Учебно-методическое пособие для подготовки к единому государственному экзамену по русскому языку / Под общ. ред. Г. И. Канакиной. – Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2009. – 150 с.
6. Родионова И. Г. **Русский язык:** Программа теоретического курса подготовки к единому государственному экзамену / Под редакцией Г. И. Канакиной / Серия «Эффективная подготовка к ЕГЭ в Пензенской области». – Пенза: «Аз. РепетиторЪ»; ГУМНИЦ, 2009. – 17 с.
7. Гаврилов К. Г., Гаврилова Т. В., Подлужная А. М., Семина Н. В., Ульянов А. Е., Федосеева Л. Ю. **Обществознание: Политика и право:** Учебное пособие для абитуриентов / серия «Эффективная подготовка к ЕГЭ в Пензенской области». – Пенза: «Аз. РепетиторЪ»; ГУМНИЦ, 2010. – 208 с.

Справки по тел.: 8 (412) 54-84-48; 8 (412) 68-88-66.

Желаем успешной сдачи единого государственного экзамена!

Проект: «ИСТОРИКИ – ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ!»

Исторический факультет ПГПУ им. В. Г. Белинского приглашает школьников на экскурсии по историческому центру города.

Запись коллективных экскурсий по тел.: 68-87-22

Издание исторического факультета
ПГПУ им. В. Г. Белинского

МИР ИСТОРИИ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Деканат и ученый совет
исторического факультета
ПГПУ им. В. Г. Белинского,
Гуманитарный учебно-методический
и научно-издательский центр

КОНТАКТЫ:

440026, г. Пенза,
ул. К. Маркса, 4, каб. № 5.

Тел. (8412) 68-88-66, 68-86-13,
68-88-22, 68-87-22

E-mail: ifpspu@mail.ru

Сайт факультета:

www.ist.spu-penza.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

О. В. Ягов

**Выпускающий редактор,
верстка:**

О. А. Сухова

Тираж газеты: 900 экз.

Распространяется бесплатно